УДК 101.1
https://doi.org/10.30546/ifs.2026.2.47.1017

ФИЛОСОФИЯ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Али Абасов
доктор философских наук, профессор
Институт философии и социологии НАНА, **Азербайджан**
e-male:kila50@mail.ru
https://orcid.org/0000–0002–4528–5797

Резюме. Настоящее исследование основано на текстах, связанных с анализом трансформации философии ближайшего будущего (см.*), и представляет их концептуальное расширение, структурную переработку и углубление проблематики, произошедших за последние 10 лет.

Философия вступает в фазу, когда её развитие определяется не столько накоплением новых тем, сколько радикальной трансформацией самих условий мышления. Категории, ранее считавшиеся фундаментальными — субъект, истина, рациональность, реальность — утрачивают стабильность и требуют пересмотра.

Ближайшее будущее философии — это не просто будущее дисциплины, а изменение самого режима философствования.

Ключевые слова: философия будущего, субъект, истина, рациональность, ИИ, постчеловек.

YAXIN GƏLƏCƏYİN FƏLSƏFƏSİ

Əli Abasov

Xülasə. Bu tədqiqat yaxın gələcəyin fəlsəfəsinin transformasiyasının təhlili ilə bağlı mətnlərə (bax: *) əsaslanır və onların son 10 il ərzində baş vermiş konseptual genişləndirilməsini, struktur baxımından yenidən işlənməsini və problematikanın dərinləşdirilməsini təqdim edir.

Fəlsəfə elə bir mərhələyə daxil olur ki, onun inkişafı artıq yeni mövzuların sadəcə toplanması ilə deyil, düşüncənin öz şərtlərinin radikal transformasiyası ilə müəyyən olunur. Əvvəllər fundamental hesab edilən kateqoriyalar — subyekt, həqiqət, rasionallıq, reallıq — artıq sabitliyini itirir və məsələyə yenidən baxılması tələb edir.

Fəlsəfənin yaxın gələcəyi təkcə bir predmetin və ya: fənnin gələcəyi deyil, həm də fəlsəfəetmə rejiminin özünün dəyişməsidir.

Açar sözlər: gələcəyin fəlsəfəsi, subyekt, həqiqət, rasionallıq, süni intellekt, postinsan.

PHILOSOPHY OF THE NEAR FUTURE

Ali Abasov

Abstract. This study is based on texts related to the analyzing of the transformation of the philosophy of the near future (see: *), and presents their conceptual expansion, structural revision, and the deepening of the issues that have emerged over the past 10 years.

---

* Новейшие направления познания: краткий обзор концепций. Müasir fəlsəfə: İdrakin ən yeni istiqamətləri. “Elm və Təhsil”, Bakı, 2014, c. 16 – 48; Müasir idrakinin məntiqi və metodologiyası. – İdrak nəzəriyyəsinin problemləri: fənlərarası yanaşma prizmasında. Bakı, “Adiloğlu, 2021, c. 32-62; Современная философия: проблемы и перспективы развития - Müasir fəlsəfənin tədrisi: metodologiya, nəzəriyyə və praktika. Bakı, “Optimist” MMC çap mərkəzi - 2021, 787 səh.,483-515; Logic and methodology of modern scientific knowledge – The I International Scientific and Practical Conference «Challenges and problems of modern science», October 13 – 14, 2022, London, United Kingdom. p.121, «World of Conferences», pp.69-84; Али и Чет. Диалоги человеческого разума и искусственного интеллекта: Будущее человека, искусственного интеллекта, познания и цивилизации. М., - Ridero, - 2025, 266 с.; Əli və Çet. İnsan zəkəsı və süni intellektin dialoqları. İnsan, Suni İntellekt, İdrak və Sivilizasiyanın gələcəyi. Bakı Qanun, 2025, 304 s.; Исследования по методологии, истории и футурологии философии. Баку, «Оптимист», - 2025, 684 с.

Philosophy is entering a phase in which its development is determined not so much by the accumulation of new topics as by a radical transformation of the very conditions of thinking. Categories previously considered fundamental—subject, truth, rationality, reality—lose their stability and require reconsideration. The near future of philosophy is not merely the future of a discipline, but a transformation of the very mode of philosophizing.

Keywords: philosophy of the future, subject, truth, rationality, AI, posthuman.

Кризис субъекта как начало новой философии

Субъект как основание классической философии

Философия Нового времени формируется вокруг принципа субъективной достоверности. Картезианский поворот, зафиксированный в формуле *cogito ergo sum*, переносит основание знания из внешнего порядка - космологического или теологического - во внутреннюю структуру мышления [Descartes, 1996, p. 17].

Субъект становится не просто участником познания, но его фундаментальным условием. В классической модели субъект выполняет несколько ключевых функций. Во-первых, он выступает в качестве безусловной точки отсчёта: всякая достоверность должна быть укоренена в акте самосознания. Во-вторых, субъект является источником рациональности: именно через него устанавливаются критерии истинности, логической непротиворечивости и обоснованности. В-третьих, субъект выступает гарантом различения истинного и ложного.

Таким образом, возникает эпистемологическая конфигурация, в которой мир мыслится как коррелят субъективного представления, а истина - как результат корректного соотнесения сознания с объектом.

Внутренние напряжения классической модели

Несмотря на свою устойчивость, классическая концепция субъекта изначально содержит ряд напряжений. Уже в рамках трансцендентальной философии Канта обнаруживается, что субъект не является полностью прозрачным для самого себя: условия возможности опыта не даны непосредственно, а реконструируются философским анализом [Кант, 1994, с. 132].

Феноменология показывает, что сознание всегда направлено на мир и не существует в изоляции. Интенциональность разрушает представление о субъекте как замкнутой субстанции [Гуссерль, 2001, с. 78]. Сознание оказывается структурно открытым и зависимым от горизонта значений. Эти сдвиги подготавливают почву для более радикальной критики, разворачивающейся в философии XX века.

Экзистенциальная дестабилизация субъекта

В работах Хайдеггера происходит принципиальный отказ от картезианской модели. Вместо субъекта вводится аналитика *Dasein*: человеческого существования как бытия-в-мире [Хайдеггер, 1997, с. 53].

Это означает, что человек изначально не отделён от реальности, а всегда уже вовлечён в неё. Сущность человека определяется не через мышление как внутренний акт, а через экзистенцию: способ бытия, включённый в практики, заботу, историчность и конечность.

Сознание утрачивает статус абсолютного основания, а знание перестаёт гарантироваться актом самосознания. Тем самым подрывается эпистемологическая привилегия субъекта.

Постструктуралистская деконструкция субъекта

Наиболее радикальная критика субъекта осуществляется в постструктуралистской философии. Здесь субъект интерпретируется как результат дискурсивных, языковых и социальных практик [Фуко, 2004, с. 112]. Субъект не предшествует знанию, а возникает внутри него. Он формируется через структуры языка, институты власти и культурные коды. Это ведёт к ключевым следствиям: исчезает идея самотождественного субъекта; идентичность становится множественной и изменчивой; субъективность историзируется.

Таким образом, философия смещает фокус с анализа сознания на исследование структур, в которых оно возникает.

Современная трансформация субъекта: от центра к сети

В условиях цифровой среды субъект всё менее может быть описан как автономный центр действий и всё более - как узел в сети взаимодействий.

Современные практики демонстрируют, что принятие решений и производство знания распределяются между человеком и техническими системами [Latour, 2005, p. 72].

Это позволяет говорить о появлении распределённого субъекта, характеристики которого включают: зависимость от технических инфраструктур; множественность идентичностей; контекстуальность; отсутствие единого центра.

Философское значение кризиса субъекта

Кризис субъекта не означает разрушения философии. Напротив, он открывает новые возможности для мышления. Отказ от идеи самопрозрачного «я» позволяет перейти к моделям, в которых субъект, знание и мир образуют взаимозависимые структуры.

Субъект становится не основанием, а проблемой философии — и именно в этом заключается начало новой парадигмы.

ИСТИНА В ЭПОХУ НЕСТАБИЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Классическая модель истины

В классической философской традиции истина рассматривалась как соответствие мышления и бытия. Эта модель, восходящая к аристотелевской формуле *adaequatio intellectus et rei* («соответствие или согласие ума и вещи», хотя сама формулировка на латыни появилась позже, в средневековой схоластике, особенно у Фома Аквинский, она передаёт идею, восходящую к Аристотелю), предполагает наличие устойчивой реальности, независимой от субъекта, и возможность её адекватного отражения в сознании [Аристотель, 1976, с. 125]. Аристотель формулировал это примерно так: «Говорить, что есть то, что есть, и что нет того, чего нет — это истинно». То есть: утверждение истинно, если оно *правильно отражает бытие*, ложь — это *несоответствие мысли и реальности*. Это классическое определение истины называется *корреспондентская теория истины* (истина = соответствие фактам). Оно лежало в основе: классических науки и логики, повседневного мышления.

В рамках данной парадигмы истина обладает следующими характеристиками:

- объективность; стабильность; универсальность; корреспондентность.

Даже в критических версиях этой модели сохраняется базовая интуиция: существует различие между реальностью и её представлением, и задача познания - сократить этот разрыв.

Кризис репрезентации

В XX веке происходит разрушение классической модели истины. Философия языка, феноменология и структурализм показывают, что знание не является прямым отражением реальности, а опосредовано языковыми и культурными структурами [Фуко, 2004, с. 67].

Репрезентация перестаёт быть «зеркалом» мира и становится активным процессом конструирования. Это означает, что истина больше не может пониматься как простое соответствие: она зависит от способов описания и контекста интерпретации.

Таким образом, возникает кризис репрезентации: ситуация, в которой под вопрос ставится возможность непосредственного доступа к реальности.

Цифровая и алгоритмическая реальность

Современная технологическая среда усиливает описанные тенденции. Цифровые платформы, алгоритмы и системы искусственного интеллекта формируют новые режимы реальности.

Эти режимы: основаны на вычислении; воспроизводимы; медиированы интерфейсами; могут функционировать независимо от физической реальности.

В результате возникает гибридная реальность. Человек взаимодействует не с «миром как таковым», а с его алгоритмически обработанными версиями.

Л. Ф. Флориди обозначает это как формирование «инфосферы», в которой границы между онлайном и офлайном исчезают [Floridi, 2011, p. 9].

Истина как режим различения

Современная философия всё чаще понимает истину как режим различения. Она формируется внутри структур, которые определяют, что считать допустимым и достоверным.

Такие структуры включают: научные практики; социальные институты; технические системы; дискурсивные правила [Фуко, 2004, с. 312].

Истина не предшествует этим структурам — она возникает внутри них.

Эпистемологический сдвиг

Все описанные изменения приводят к радикальному сдвигу: философия переходит от вопроса «*что есть истина*?» к вопросу «*как истина производится*?».

Истина рассматривается как процесс, встроенный в сложные системы взаимодействия между субъектами, технологиями и структурами знания.

БУДУЩЕЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Классическая рациональность: идеал порядка и контроля

Классическая рациональность, сформировавшаяся в философии Нового времени, опирается на представление о мире как упорядоченной системе, поддающейся логическому анализу и математическому описанию. Разум выступает инструментом выявления универсальных законов, лежащих в основе реальности.

Основными характеристиками классической рациональности являются: линейность; детерминизм; универсальность метода; стремление к полной предсказуемости.

В рамках этой модели неопределённость трактуется как временное состояние, связанное с недостатком знания. Задача рациональности - устранить неопределённость через уточнение и накопление информации [Декарт, 1996, p. 28].

Кризис классической рациональности

Развитие науки в XX веке выявило ограничения данной модели. Исследования в области термодинамики, квантовой механики и теории сложности показали, что многие системы не поддаются линейному описанию.

Особенно важным стало понимание того, что: малые флуктуации могут приводить к радикально различным результатам; системы обладают множественностью траекторий развития; полное предсказание поведения сложных систем невозможно.

Это означает, что неопределённость является не просто недостатком знания, а фундаментальной характеристикой реальности [Пригожин, 2014, с. 56].

Рациональность как работа с неопределённостью

Современная рациональность ориентируется не на устранение неопределённости, а на взаимодействие с ней. Разум становится инструментом ориентации в сложной среде.

Это проявляется в следующих изменениях: решения принимаются в условиях неполной информации; возрастает роль вероятностных моделей; знание рассматривается как временное и пересматриваемое.

Рациональность приобретает характер практики управления неопределённостью [Стёпин, 2000, с. 214].

Рефлексивность и включённость наблюдателя

Одной из ключевых характеристик рациональности будущего является её рефлексивность. Разум осознаёт собственную включённость в процессы познания.

Это означает: отказ от идеи нейтрального наблюдателя; зависимость знания от позиции субъекта; включённость методов в объект исследования.

Знание становится саморефлексивным и учитывает условия собственного возникновения [Стёпин, 2000, с. 198].

Рациональность пределов

В условиях сложной реальности особое значение приобретает понятие предела. Предел выступает не как внешнее ограничение, а как внутренняя характеристика рациональности.

Рациональность будущего признаёт: невозможность полного знания; ограниченность моделей; зависимость результатов от контекста; неустранимость неопределённости.

Таким образом, формируется рациональность пределов — мышление, ориентированное на выявление границ применимости знания.

Философское значение трансформации рациональности

Трансформация рациональности означает не её кризис, а изменение формы. Разум перестаёт быть инструментом окончательной стабилизации мира.

Философия рассматривает рациональность как динамическую систему, способную адаптироваться к сложности и неопределённости. Она становится способом сосуществования с хаосом, а не его устранения.

В этом заключается переход от рациональности гарантий к рациональности пределов.

ЧЕЛОВЕК, ПОСТЧЕЛОВЕК И ГРАНИЦЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Классическая философская антропология

В традиционной философии человек рассматривался как автономный субъект, обладающий разумом, сознанием и устойчивой идентичностью. Эта модель предполагает наличие универсальной человеческой природы, которая может быть описана через рациональность и самосознание [Декарт, 1996, p. 41].

Человек понимался как: носитель рациональности; центр действия и ответственности; источник смысла; автономная единица.

Такая концепция лежала в основе классической философии, науки и этики.

Технологический сдвиг и размывание границ

Современные технологии радикально трансформируют это представление. Развитие ИИ, биотехнологий и цифровых систем приводит к размыванию границ между человеком и техникой.

Технологии перестают быть внешними инструментами и становятся частью структуры человеческого существования. Они влияют на мышление, восприятие и формы идентичности.

Это приводит к следующим изменениям: исчезает чёткое различие между естественным и искусственным; границы тела становятся проницаемыми; когнитивные процессы частично выносятся во внешние системы; опыт становится медиированным (наш опыт больше не является прямым — он проходит через посредников. Мы всё реже сталкиваемся с реальностью напрямую и всё чаще — через технологии, язык или других людей).

Концепция постчеловека

В современной философии формируется понятие постчеловека — состояния, в котором человек не может быть описан через классические категории.

Постчеловек характеризуется: гибридностью; изменчивостью идентичности;

распределённой агентностью (способность действовать, влиять на происходящее распределена между несколькими участниками – люди, технологии, алгоритмы, социальные структуры, а не принадлежит одному субъекту); включённостью в технологические сети [Bostrom, 2014, p. 23].

Это не просто «улучшенный человек», а иная форма существования.

Киборг как философская фигура

Концепция киборга, предложенная Донной Харауэй, является ключевой для понимания этих процессов. Киборг разрушает границы между человеком и машиной, природным и искусственным [Haraway, 1991, p. 150]. В этой перспективе: человек изначально включён в технологические системы; различие между внутренним и внешним условно; идентичность формируется через связи. Киборг фиксирует переход от сущностного понимания человека к реляционному.

Сущностное понимание человека связано с классической философией, предполагающей, что у человека есть некая неизменная сущность, например, разум, душа, природа, человек = нечто стабильное и существует «сам по себе». Так думали многие философы: от **Аристотеля** до представителей классической метафизики.

Реляционное понимание полагает, что человек – это, не фиксированная сущность, он определяется через: отношения с другими людьми; взаимодействие с технологиями; социальный и культурный контекст. Человек - узел в сети связей

Распределённая агентность

Современная философия показывает, что действие не принадлежит исключительно субъекту. Оно возникает в сети взаимодействий.

Агентность становится результатом взаимодействия: человека; алгоритмов; технических систем; социальных структур [Latour, 2005, p. 63].

Это означает, что субъект утрачивает статус единственного источника действия.

Трансформация идентичности

В условиях цифровой реальности идентичность перестаёт быть устойчивой.

Она характеризуется: множественностью; изменчивостью; зависимостью от медиа; отсутствием центра.

Идентичность становится процессом, формируемым в сетевых взаимодействиях.

Онтология отношений и процессов

Современная философия переходит от онтологии сущностей к онтологии отношений. Человек больше не является замкнутой единицей. Он, выступает как узел пересечения: биологических процессов; технических систем; социальных структур; информационных потоков.

Реальность понимается как сеть взаимодействий.

Философское значение трансформации человека

Трансформация понятия человека имеет фундаментальное значение.

Философия сталкивается с необходимостью: пересмотра категории субъекта; анализа нечеловеческой агентности; разработки новой этики; переосмысления ответственности.

Человек перестаёт быть центром философии и становится элементом сложных систем.

ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Искусственный интеллект как философский вызов

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой не только технологический, но и фундаментально философский феномен. ИИ ставит под вопрос классические представления о мышлении, знании и субъекте.

Если в традиционной философии способность к мышлению рассматривалась как исключительное свойство человека, то современные алгоритмы демонстрируют возможность решения сложных задач без участия сознания [Bostrom, 2014, p. 45].

Это означает, что мышление больше не может быть однозначно связано с субъективным опытом.

Проблема мышления без субъекта

ИИ демонстрирует возможность форм когнитивной деятельности, не связанных с самосознанием. Это проявляется в следующих аспектах: принятие решений без субъективного опыта; обучение без понимания; обработка информации без интенциональности.

Таким образом, возникает принципиальный философский вопрос: является ли субъект необходимым условием мышления?

Флориди указывает, что в информационную эпоху знание всё чаще рассматривается как функция систем обработки информации, а не как результат сознательной деятельности [Floridi, 2011, p. 94].

Это радикально меняет эпистемологическую перспективу.

Алгоритмическая рациональность

ИИ функционирует на основе специфической формы рациональности — алгоритмической. Она отличается от классической человеческой рациональности.

Её характеристики: обработка больших массивов данных; вероятностный характер выводов; отсутствие внутреннего смысла (семантики); эффективность без понимания.

Такая рациональность не требует субъекта в классическом смысле, что ставит под вопрос традиционные философские категории.

Бостром подчёркивает, что интеллектуальные системы могут превосходить человека в решении задач, не обладая сознанием [Bostrom, 2014, p. 64].

Эпистемологические последствия

ИИ изменяет само понятие знания. Классическая модель, связывающая знание с субъектом, оказывается недостаточной.

Возникают новые характеристики знания: распределённость (знание существует в сетях); деперсонализация (авторство размывается); операциональность (важна работоспособность, а не понимание).

Флориди рассматривает это как переход к «информационной эпистемологии», где знание определяется через процессы обработки информации [Floridi, 2011, p. 112].

Различие между знанием и вычислением становится всё менее очевидным.

Проблема понимания

Одним из центральных философских вопросов остаётся различие между вычислением и пониманием.

ИИ способен: распознавать паттерны; генерировать тексты; принимать решения.

Однако остаётся вопрос: сопровождаются ли эти процессы пониманием?

Это приводит к различию: синтаксического уровня (операции с символами); семантического уровня (смысл).

ИИ эффективно работает на первом уровне, но его способность к второму остаётся спорной.

Нечеловеческая рациональность

ИИ открывает возможность существования нечеловеческих форм рациональности. Эти формы: не основаны на сознании; не требуют интенциональности; функционируют через вычисление.

Это означает, что рациональность больше не является исключительно человеческой характеристикой.

Философия сталкивается с необходимостью расширения понятия разума.

Онтологические последствия

ИИ влияет не только на эпистемологию, но и на онтологию. Он становится участником реальности, а не просто инструментом. Алгоритмы: принимают решения; влияют на социальные процессы; формируют информационную среду. Таким образом, ИИ становится частью структуры бытия.

Это усиливает переход к сетевой онтологии, где агентность распределена между различными элементами.

Философское значение ИИ

ИИ не просто расширяет возможности человека — он трансформирует сами основания философии.

Философия сталкивается с новыми задачами: определение границ мышления; анализ нечеловеческого интеллекта; пересмотр понятия знания; разработка этики взаимодействия с ИИ. ИИ становится не объектом философии, а её новым условием.

ОНТОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

Кризис субстанциальной онтологии

Классическая онтология исходила из представления о мире как совокупности устойчивых сущностей. Вещи рассматривались как обладающие неизменной природой, а изменения — как вторичные по отношению к этой сущности.

Такая модель предполагает: стабильность объектов; независимость сущностей; приоритет бытия над становлением.

Однако современная философия и наука показывают ограниченность этого подхода. Реальность всё чаще проявляет себя не как совокупность устойчивых объектов, а как динамика процессов и взаимодействий.

Сетевая структура бытия

Современный мир всё более описывается как сеть взаимодействий. Объекты не существуют изолированно, а определяются через отношения.

Латур предлагает рассматривать социальную и материальную реальность как сеть акторов, в которой: нет жёсткого разделения между субъектом и объектом; действие распределено; значение возникает в связях [Latour, 2005, p. 128].

Это приводит к переходу от онтологии объектов к онтологии отношений.

Гибридная реальность

Современная реальность носит гибридный характер. Она включает: физические процессы; цифровые структуры; символические системы.

Эти уровни не существуют отдельно, а переплетаются, образуя сложные конфигурации.

Флориди описывает это как формирование «инфосферы», в которой реальность включает как материальные, так и информационные элементы [Floridi, 2011, p. 15].

Таким образом, граница между «реальным» и «виртуальным» становится условной.

Объекты как эффекты процессов

В процессуальной онтологии объекты перестают быть первичными. Они рассматриваются как эффекты стабилизации. Это означает: объект — это временная форма; его границы определяются отношениями; его существование зависит от контекста.

Таким образом, онтология становится динамической и контекстуальной.

Философское значение новой онтологии

Переход к процессуальной и сетевой онтологии имеет фундаментальные последствия: исчезает приоритет субстанции; усиливается значение отношений; размывается граница между субъектом и объектом; реальность понимается как динамическая система.

Философия ближайшего будущего рассматривает бытие не как устойчивую структуру, а как сеть процессов и взаимодействий.

ФИЛОСОФИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Неопределённость как фундаментальная характеристика реальности

Как мы уже отмечали, в классической философии неопределённость рассматривалась как временное состояние, обусловленное недостатком знания. Предполагалось, что развитие науки и рациональности приведёт к её постепенному устранению.

Однако современная наука и философия показывают, что неопределённость является не внешним ограничением, а внутренним свойством реальности. Сложные системы демонстрируют принципиальную непредсказуемость, связанную с их структурой [Пригожин, 2014, с. 78].

Это означает, что неопределённость не может быть полностью устранена — она является онтологической характеристикой мира.

Конец детерминизма

Классическая рациональность исходила из детерминистской картины мира, в которой каждое событие имеет однозначную причину.

Однако развитие теории сложности и неклассической науки показывает: невозможность полного прогнозирования; множественность возможных траекторий; зависимость от начальных условий.

Пригожин подчёркивает, что в точках бифуркации система может развиваться по различным сценариям, и выбор не может быть заранее предсказан [Пригожин, 2014, с. 134].

Таким образом, детерминизм уступает место вероятностному пониманию реальности.

Неопределённость в условиях технологической реальности

Цифровая и алгоритмическая среда не устраняет неопределённость, а трансформирует её. Алгоритмы: работают с вероятностями; создают модели, а не точные описания; усиливают сложность систем.

Флориди отмечает, что в инфосфере неопределённость принимает форму избыточности информации и множественности интерпретаций [Floridi, 2011, p. 221].

Таким образом, неопределённость становится не только свойством природы, но и результатом технологических процессов.

Философия пределов

В этих условиях формируется философия пределов — направление, сосредоточенное на анализе границ: знания; рациональности; контроля; предсказуемости.

Предел понимается не как недостаток, а как структурный элемент мышления. Он определяет область применимости теорий и моделей.

Рациональность будущего заключается не в устранении неопределённости, а в умении работать с ней.

Неопределённость и трансформация философии

Неопределённость изменяет саму функцию философии. Философия - больше не может: претендовать на окончательные основания; предлагать универсальные объяснения; обеспечивать абсолютную достоверность.

Вместо этого она: анализирует условия возникновения знания; исследует границы применимости теорий; помогает ориентироваться в сложной реальности.

Неопределённость как условие мышления будущего

Неопределённость становится не препятствием, а условием мышления. Она открывает пространство возможностей и альтернатив.

Это означает: отказ от окончательных решений; принятие множественности; ориентацию на процессы, а не на фиксированные структуры.

Философия ближайшего будущего формируется как мышление, способное существовать в условиях неопределённости.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие ключевые результаты:

1. **Кризис субъекта**

Классическая модель субъекта как автономного основания знания утрачивает свою устойчивость. Субъект трансформируется в распределённую и контекстуальную структуру, включённую в сети взаимодействий.

2. **Трансформация истины**

Истина перестаёт пониматься как соответствие и приобретает процессуальный характер. Она формируется внутри систем — научных, технологических, социальных — и зависит от условий своего производства.

3. **Изменение рациональности**

Рациональность переходит от детерминистской и линейной модели к вероятностной, рефлексивной и ограниченной форме. Её функция — не устранение неопределённости, а работа с ней.

4. **Переосмысление человека**

Человек утрачивает статус центра философии и рассматривается как элемент гибридных систем. Формируется концепция постчеловека, характеризующаяся распределённой агентностью и изменчивой идентичностью.

5. **Философское значение искусственного интеллекта**

ИИ демонстрирует возможность знания и рациональности без субъекта, что требует пересмотра классических эпистемологических и онтологических категорий.

6. **Сдвиг в онтологии**

Происходит переход от субстанциальной онтологии к процессуальной и сетевой. Реальность понимается как динамическая система отношений.

7. **Неопределённость как фундамент**

Неопределённость становится не ограничением, а базовой характеристикой реальности и мышления.

Перспективы исследования

Развитие философии ближайшего будущего открывает ряд перспективных направлений:

1. Философия искусственного интеллекта: природа нечеловеческого мышления; границы алгоритмической рациональности; проблема понимания и сознания

2. Онтология цифровых и гибридных миров: статус виртуальной реальности; соотношение физического и цифрового; структура инфосферы

3. Эпистемология алгоритмов: знание без субъекта; автоматизация познания; проблема доверия к вычислительным системам

4. Философия постчеловека: границы человеческого; гибридные формы идентичности; распределённая агентность

5. Этика технологий: ответственность в условиях распределённого действия; моральный статус ИИ; регулирование технологических систем

6. Философия неопределённости: неопределённость как онтологический принцип; пределы рациональности; философия риска и вероятности

7. Новые формы философствования: философия в условиях цифровой среды; взаимодействие философии и технологий; изменение роли философии в обществе

Список использованной литературы

1. Аристотель. Метафизика. — М.: Мысль, 1976. — 550 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. — М.: Постум, 2015. — 240 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. — СПб.: Наука, 2001. — 560 с.
4. Делёз Ж. Различие и повторение. — СПб.: Питер, 2000. — 384 с.
5. Deleuze G. Difference and Repetition. — New York: Columbia University Press, 1994. — 304 p.
6. Декарт Р. Размышления о первой философии. — М.: Мысль, 1996. — 100 с.
7. Descartes R. Meditations on First Philosophy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — 100 p.
8. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.

9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. — 384 с.
10. Latour B. Reassembling the Social. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 301 p.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. — М.: URSS, 2014. — 312 с.
12. Стёпин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М.: АСТ, 2004. — 608 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Ad Marginem, 1997. — 452 с.
15. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 352 p.
16. Floridi L. The Philosophy of Information. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — 361 p.
17. Haraway D. A Cyborg Manifesto. — New York: Routledge, 1991. — 181 p.

Rəyçi:f.e.d., prof. Arif Buniyatov